

Специальность: 10.02.20 "Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание"

Диссертация выполнена в Российском государственном гуманитарном университете.

Научный руководитель: доктор филологических наук, чл.-корр. РАН профессор А.В.Дыбо

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор О.А.Мудрак, кандидат филологических наук, профессор В.Н.Дмитриева

Ведущая организация Высший колледж корееведения при Дальневосточном государственном университете

Защита состоялась "28" декабря 2005 г. в "___" часов на заседании диссертационного совета Д.212.198.08 Российского государственного гуманитарного университета по адресу: Москва, Миусская пл., д.6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Миусская площадь, д.6)

Ученый секретарь диссертационного совета кандидат филологических наук М. Б. Рукодельникова

Предлагаемая работа посвящена исследованию грамматических категорий предикатива в среднекорейском и ранненовокорейском языке и лингвистическому описанию языка литературных памятников XV в. и XVIII в.

Актуальность темы и новизна исследования состоит в следующем:

1. Лингвистическое изучение языка одного памятника – явление относительно редкое не только в отечественном, но и в мировом корееведении. Между тем, описание языка отдельного памятника – исследование, имеющее большое значение для лингвистов, изучающих язык в историческом аспекте. Только такое описание позволяет построить систематическую историю изменения языка. У литературного памятника, как правило, один автор, поэтому мы при рассмотрении языка отдельного памятника будем иметь дело с единым идиомом, единой системой. Данные, полученные при таком анализе, представляют собой единую законченную систему - грамматическое описание языка в определенный исторический момент. А это, в свою очередь, позволяет нам описать язык в отдельную историческую эпоху, помогает зафиксировать изменения в языке, наметить общие тенденции изменения и развития языка, что необходимо для установления точной периодизации языка. Таким образом, данная работа, посвященная исследованию категорий предикатива на материале памятников XV и XVII вв., выступает как один из этапов на пути более полного описания средневекового корейского языка.

2. XVIII в. в истории языка наименее изученный период. Работ, посвященных грамматике новокорейского языка, особенно XVIII в., почти нет. Между тем, именно в это время происходил переход от среднекорейского языка к современному через краткий период новокорейского;

3. язык произведений жанра простонародной литературы *кодэ сосоль* (букв. “старая повесть”), к которому принадлежит и описанный роман XVIII в., пока остается за пределами внимания современных лингвистов;

4. в данной работе предпринято историческое исследование самого сложного раздела корейской грамматики – предикативов;

5. чрезвычайно сложная и разветвленная категориальная система современного корейского глагола представляет значительный типологический интерес;

6. с другой стороны, развивающаяся сравнительно-историческая грамматика алтайских языков требует подробных и фундированных исследований исторической морфологии отдельных языков алтайской семьи.

Объект и предмет исследования.

Объектом настоящего исследования являются: текст памятника XV в. “Рёнъ пи ѓтхѓн ка” (“Ода о драконе, летящем в небе”), а также текст литературного памятника XVIII в. “Ссяньчхон кыйбонъ” (“Удивительное соединение двух браслетов”), а предметом – изучение грамматических категорий предикатива этих двух памятников и их систематическое описание.

Цель исследования.

Цель данной работы – проследить путь развития среднекорейского языка, теоретически осмыслить богатейший фактический материал, почерпнутый из литературных памятников, и систематически его описать, раскрыть механизм изменений в среднекорейском языке с учетом исторической и социальной обстановки в Корее того времени. В нашем исследовании мы старались не только констатировать те или иные изменения за триста лет истории корейского языка, но и выявить причины, их породившие.

Вполне понятно, что все категории предикатива во всей полноте и всей сложности проблематики не могут быть рассмотрены в рамках одной работы. Поэтому мы ограничили свое исследование решением только нескольких задач:

1. систематическое описание представленных в памятниках категорий предикатива, процесса их изменения и становления и причин, вызвавших эти изменения;
2. перечисление грамматических форм, присущих каждой категории;

3. анализ их значений и употребления;

4. выявление общего характера развития грамматического строя среднекорейского и ранненовокорейского языка.

Для выявления своеобразия грамматического строя языка ранненовокорейского памятника в работе последовательно проводится сопоставление полученных данных с более ранним памятником XV в. и с нормами современного литературного языка.

Информационная база исследования.

В качестве первичных источников были использованы:

1. издание корейского текста "Оды о драконе, летящем в небе" - "*Рёнъ пи ѓтхён ка*", воспроизведенное офсетным способом из "Избранных материалов по корейскому языкознанию", Сеул, 1975 г., в которых в основу положен текст издания 1937-1938 гг, с небольшими исправлениями тональных отметок по изданиям Оды до Имджинской войны. В первой главе мы приводим сведения об Оде и ее изданиях из приложения к грамматике А.А. Холодовича, составленного Л.Р.Концевичем.

2. В качестве источника данных языка XVIII в. было выбрано фототипическое издание первого тома романа "*Ссяньчхон кыйбонъ*" ("Удивительное соединение двух браслетов") 1961 г., рукопись которого хранится в Отделе рукописей Санкт-Петербургского отделения Института Востоковедения РАН.

В качестве вторичных источников была привлечена грамматика среднекорейского языка XV в. А.А. Холодовича, а также другая литература о формировании среднекорейского языка, обзор которой, приводимый ниже, позволяет выяснить состояние изученности темы и определить задачи исследования. В уяснении примеров, взятых из весьма трудного для прочтения и понимания произведения XVIII в., большую помощь оказал его комментированный перевод на русский язык А.Ф. Троцевич и М.И. Никитиной. Тем не менее, избранный памятник XVIII в. пришлось расписывать и частично переводить

заново. В работе к каждому приведенному примеру дается подстрочный пословный перевод с указанием грамматических показателей, и иногда в скобках указан дословный перевод предложения. Добавленные в переводах слова поставлены в квадратные скобки.

Степень разработанности предмета исследования.

Историческая грамматика корейского языка к настоящему времени известна фрагментарно. Количество работ, посвященных описанию грамматической категории предикатива среднекорейского и ранненовокорейского языка, невелико, гораздо больше работ посвящено классическому среднекорейскому языку. Кроме того, крайне редки работы, применяющие к истории корейского языка современные теоретические подходы.

Из работ корейских исследователей наиболее важными и близкими к предмету исследования, с нашей точки зрения, являются статьи Ха Чхиджина "Историческое исследование видо-временных категорий в корейском языке", Пак Тхэгвона "О вопросительных формах "Переведенного *Ногольтэ*"", А.Т. Васильева "Выражение общего и частного вопроса в старокорейском языке", монография Хван Буёна "Исследование категории вежливости в корейском языке XV в.", "История развития корейского языка" Хо Уна, посвященная описанию временных показателей предикатива, а также "Грамматика литературного средневекового корейского языка" Ко Ёнгына, "Историческое исследование грамматической системы корейского языка" Ли Сония.

Необходимо отметить, что труды корейских ученых по языку XV-XVIII вв., несмотря на свою несовершенство и фрагментарность, рассчитаны на квалифицированного читателя, в значительной степени уже знакомого и с художественной литературой этой эпохи, и с ее языком. В ином положении находится автор исследования, пишущий по-русски. Прежде всего, он (в отличие от корейских авторов) должен давать перевод каждого корейского слова и предложения. Кроме того, нужно представить язык как систему, независимо от того, какие ее элементы могут оказаться неизвестными читателю.

Из работ западных лингвистов больше всего мы использовали фундаментальный труд С. Мартина, в котором собран богатый фактический материал, почерпнутый из средневековых и современных источников.

Говоря об исследованиях языка отдельного памятника, следует сказать, что в отечественном корееведении до сих пор было всего две работы подобного рода. Первой является работа А.А. Холодовича "Грамматика корейского языка XV в." (по материалам Оды), состоящая из двух разделов – "Фонетика" и "Морфология". Это систематическое описание первого литературного памятника XV в., написанного новой корейской письменностью, "Рёнъ пи ѓтхѓн ка" ("Ода о драконе, летящем в небе"). Благодаря тому, что в этой работе автор описывает язык XV в. как систему, удается установить массу распределений, как грамматических, так и лексических. Второй работой такого рода является диссертация В.В.Верхоляка "Грамматические категории предикатива в корейском языке XVII в.: на материале "Пак тхонъса онхэ"" на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ленинград, 1989.

В работах по общему языкознанию на русском языке корейский материал привлекается все еще крайне редко и скупо. В этих условиях целью исследований по истории корейского языка должна быть, прежде всего, интерпретация его фактической истории. Отсутствие постановки и решения собственно лингвистических задач диахронного характера проявляется, в частности, в несовершенстве имеющихся грамматических описаний среднекорейского языка.

В своей работе мы стремились в ряде случаев конкретизировать, а в некоторых случаях обобщить или переосмыслить приводимые в упомянутых исследованиях данные или оценки. Автор данной работы ни в коем случае не претендует на адекватное отражение всех – нередко противоречивых – точек зрения корейских и западных лингвистов по затронутым в работе конкретным вопросам грамматики.

Методология исследования.

Общелингвистическая часть данного исследования использует главным образом классификационный метод.

В конкретно-лингвистической части работы, то есть при выявлении и описании отдельных грамматических категорий предикатива основными были структурно-типологический, а также историко-сравнительный метод - описание и последующее сопоставление синхронных срезов языка, произведенных на разных

хронологических уровнях.

Поскольку настоящее исследование является описанием языка конкретных литературных произведений, в работе также приведен филологический анализ памятников.

Теоретическая значимость исследования.

Грамматическое описание языка определенной эпохи принадлежит к проблемам, важным для языкознания в целом. В этом отношении проведенный анализ имеет общетеоретическое значение. Настоящее исследование должно заполнить лауну в историческом корейском языкознании.

Конкретно-лингвистическая значимость данного исследования заключается, прежде всего, в систематическом описании грамматических категорий предикатива ранненовокорейского языка, а также в приложении всех рассматриваемых в работе теоретических положений и принципов к корейскому материалу.

Выявленные при этом данные могут представлять значительную типологическую ценность. В настоящее время основной метод типологических исследований состоит в том, чтобы изучить некоторый фрагмент языковой системы на максимальном количестве языков. Чтобы сделать предметом типологического рассмотрения более обширные системные явления, необходимы описания соответствующих участков языковой системы для отдельных языков или пар языков. Данную работу можно считать шагом в этом направлении.

С другой стороны, развивающееся сравнительно-историческое алтайское языкознание требует подробных исследований отдельных языков алтайской семьи. Значимость предложенной классификации для общего алтайского языкознания и контрастивной морфологии велика, поскольку до настоящего времени эта проблема оставалась недостаточно разработанной.

Практическая значимость исследования.

Практическая значимость видится в непосредственном применении результатов исследования к написанию пособий и грамматик по современному корейскому языку и по истории языка.

Описанный фактический материал может быть использован в качестве иллюстраций и учебного материала в курсе исторической грамматики корейского языка.

Апробация.

Основные положения и результаты данной работы выносились на обсуждение в докладах и выступлениях на Международных конференциях Ассоциации корейских исследований в Европе (Рим, 2003, Шеффилд, 2005), на 1-ой Международной конференции по корейской лингвистике (Лейден, 2005), на Международном конгрессе аспирантов-корееведов (Лондон, 2005), III Международной корееведческой конференции (Владивосток, 2005) и на других конференциях, что отражено в опубликованных материалах этих конференций.

Статьи по теме диссертации были опубликованы в научной периодике.

Структура работы.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложения.

Во Введении ставится цель изучить грамматические категории предикатива ранненовокорейского литературного памятника, дать их систематическое описание, проводя последовательное сравнение с системой, полученной на материале памятника XV в., и данными современного языка.

В 1 главе дается характеристика описываемых памятников, их краткий филологический анализ и обзор существующих периодизаций корейского языка.

Глава 2 посвящена теоретическим предпосылкам исследования, а также здесь даются краткие грамматические сведения о предикативах корейского языка, необходимые для понимания обсуждаемого в работе языкового материала, а также морфонологические особенности исследуемых памятников.

В Главе 3 "Аффиксы", Главе 4 "Окончания" и Главе 5 "Аналитические конструкции" рассматриваются зафиксированные грамматические показатели и конструкции среднекорейского и ранненовокорейского текстов, дается их систематическое описание.

В конце каждой главы содержатся конкретные выводы, а в Заключении делаются общие выводы.

Приложение содержит роспись романа XVIII в. с подстрочным переводом и указанием грамматических морфем и соответствующим художественным переводом М.И. Никитиной и А.Ф. Троцевич, снабженную списком использованных в примерах сокращений.

Работа завершается библиографией, включающей 90 работ отечественных, западных, корейских и японских авторов.

Содержание работы.

Глава 1. История корейского языка: источники и периодизация.

1. Источники.

В качестве источника XV в. был выбран первый литературный памятник, записанный корейским алфавитом - "Ода о драконе, летящем в небе" ("*Рёнъ пи ѓтхён ка*"), ок.1445 г.

Это самый древний из корейских письменных памятников, в котором впервые использован фонетический алфавит еще до его официального обнародования в 1446 г.

Изучение Оды в разных аспектах в наши дни значительно продвинулось вперед по сравнению с тем временем, когда А.А. Холодович предпринял свое грамматическое исследование памятника. Тем не менее, многие наблюдения и выводы не утратили новизны и по сей день.

Второй описанный в настоящем исследовании памятник – роман XVIII в. "Удивительное соединение двух браслетов" ("*Ссяньчхон кыйбонъ*").

Рукопись романа включает в себя 22 тетради с общим количеством страниц 1233. Рассматриваемая первая тетрадь содержит 118 страниц текста по 10 строк на странице. Памятник написан корейским буквенным письмом (*кукмун*), полускорописью, местами скорописью. Время создания его и автор не обозначены.

Как мы уже упоминали, имеется издание первой тетради этого романа с переводом и комментариями реалий, принадлежащими М.И. Никитиной и А.Ф.Троцевич.

В романе не упоминается ни автор, ни год написания. Мы разделяем точку зрения авторов перевода, предполагающих, что роман был написан в XVIII в. Поскольку качество бумаги и почерк не дают никаких сведений для датировки, можно воспользоваться теми фактами языка, наличие или, наоборот, отсутствие которых в языке памятника дает возможность приблизительной его датировки. Здесь имеется в виду оформление существительного в именительном падеже одним или двумя показателями (помогает установить верхнюю границу написания: в романе присутствует только один показатель именительного падежа *-i*, показатель для открытого слога *-ka*

появляется только в текстах XIX в., следовательно роман написан раньше) и соблюдение закона гармонии гласных при образовании дательного падежа существительных (помогает установить нижнюю границу написания: закон гармонии гласных, который строго соблюдался в раннесредневековом языке, в памятниках XIX века не прослеживается, а в памятниках XVII в., за редким исключением, соблюдается; отсутствие противоположения двух видов дательного падежа, свидетельствующее о нарушении закона гармонии гласных, характерно и для исследуемого памятника). Таким образом, мы приходим к заключению, что роман “

Ссяньчхон кыйбонъ

” с большой долей вероятности можно датировать XVIII в.

2. Периодизация истории корейского языка.

В работах многих корейских, западных и отечественных ученых по истории корейского языка распространена периодизация, в которой учитываются события политической истории. Такова, например, схема А.А. Холодовича, в которой отразились социологические веяния в языкознании 50-х годов.

Другие исследователи выстраивали свои периодизации, основываясь не только на исторических, но и на чисто языковых фактах. Такова, к примеру, классификация Ким Минсу. Он отмечает, что все эти исторические вехи, являющиеся поворотным моментом в истории, повлияли на корейский язык. При всей важности подобных исторических перемен следует иметь в виду, что их влияние на язык сказывается далеко не сразу.

Южнокорейский лингвист Ли Гимун предлагает следующую периодизацию:

1. Древнекорейский язык (1 в. до н.э. – 7 в. н.э.) – язык, существовавший начиная с с эпохи Трех государств и заканчивая временем гибели Объединенного Силла. О нем мы можем судить только по отдельным глоссам в китайских текстах.

2. Раннесреднекорейский язык (7 в. – 14 в.). Для описания этого периода истории корейского языка привлекались памятники, написанные в системе *иду*.

3. Позднесреднекорейский язык (15 в. – начало 17 в.) ознаменован созданием корейского фонетического письма.

4. Новокорейский язык (17 в. – 19 в.).

5. Современный корейский язык (19 в. – наше время).

Периодизация Ли Гимунга также основывается частично на исторических, частично на языковых явлениях.

Этого же подхода придерживается и Л.Б. Никольский в своей работе “Становление национального литературного языка в Корее”. Мы считаем его точку зрения наиболее обоснованной. В диссертации мы приводим подробное объяснение такого деления.

Язык, с которым мы сталкиваемся в памятнике XVIII в. – вариант литературного корейского языка, который, возможно, существовал только в письменной форме, т.е. это письменный язык, опирающийся на систему норм, по-видимому, кодифицированных. Разговорный же корейский язык может отражаться в памятнике в виде отклонений от этой системы, так же, как и диалогическая лексика. Трудность, с которой мы сталкиваемся при описании языка литературных памятников этой эпохи – то, что сами нормы не описаны. В результате, та система, которая будет построена в результате нашего исследования, носит неясный статус.

Отклонения, обнаруженные при анализе языка памятника, могут носить как диалектный, так и исторический характер. Мы полагаем, что естественней считать их историческими, хотя и отрицать наличие диалектных норм тоже нельзя.

Глава 2. Теоретические предпосылки исследования исторической грамматики корейского языка. Предикативы.

1. Теоретические предпосылки исследования исторической грамматики корейского языка.

Развитие грамматического строя корейского языка от первых дошедших до нас памятников XV в., написанных с помощью корейского фонетического письма, и до наших дней принадлежит к числу актуальных и пока еще мало изученных вопросов в корееистике. Произведения средневековой корейской литературы на сегодняшний день изучены очень неравномерно, в грамматическом плане глубже всего изучены произведения XV-XVI вв., к которым обращались многие исследователи. Последующим векам (по XIX в. включительно) пока уделялось мало внимания. Материалы этого периода в основном привлекались специалистами при решении некоторых филологических и лингвистических вопросов, но в целом языковая картина остается неизвестной.

Однако, несмотря на то, что уже ведутся работы по обобщению фактов истории корейского языка, лингвистическое описание памятников продолжает сохранять свою актуальность. Общий путь эволюции языка требует конкретизации и установления этапов этого развития, равно как и определения времени и последовательности языковых явлений. В этом плане особое значение имеет описание памятников тех веков, язык которых мало изучен. Каждый новый исследованный и описанный памятник представляет в распоряжение историков языка новый фактический материал, который может помочь уточнению уже известной исследователям картины или подтвердить правильность ранее сделанных выводов.

2. Общие сведения о предикативах в среднекорейском и ранненовокорейском языке.

2.1. Понятием предикатива в работе объединяются лексические единицы, способные выступать в функции сказуемого предложения. Это глаголы, стивы и связки.

В некоторых грамматических описаниях (Холодович, Ко Ёнгын, Ли Сониль и др.) прилагательные выделяются в отдельный грамматический класс. Мы считаем такое выделение нецелесообразным.

Корейский язык принадлежит к классу "глагольных" языков (т.е. языков, где

прилагательные являются подклассом глаголов). Поэтому мы не будем вслед за большинством корейских и отечественных лингвистов выделять прилагательные в отдельный грамматический класс, а объединим их с глаголами и связками и по ходу описания укажем конкретные зафиксированные особенности их парадигмы.

К классу *связок* относятся утвердительная связка *i-* и отрицательная связка *ani-*.

2.2. Морфонология.

2.2.1. Морфонология корня.

Традиционная кореистика предпочитает такой формат представления морфологических данных, при котором предикативы делятся на следующие составляющие: корень, основообразующий гласный, суффикс и окончание.

Все предикативные *корни* классифицируются двояким образом: по качеству последнего звука корня (открытые/закрытые) и качеству последнего слога (слоги с открытым/закрытым гласным).

Корень не может выступать в составе предложения как самостоятельное слово без каких-либо аффиксальных морфем. В среднекорейском языке XV в. было шесть основообразующих гласных: о, и, а, е, wo, wu

противопоставленных друг другу по **открытому** или **закрытому** характеру гласного: открытым гласным левого столбца противопоставлены закрытые гласные правого столбца. Выбор основообразующего гласного зависел от характера гласного в последнем слоге корня: открытому гласному корня соответствовал открытый основообразующий гласный, закрытому гласному корня соответствовал закрытый основообразующий гласный. Но уже к XVII веку в корейском языке происходит нарушение сингармонизма, и в языке памятника XVIII в. мы наблюдаем такие формы: *wul-o-m*

“плач” вместо ожидаемого

wulum

, наряду с формами

kel-o-m

“шаг”,

tek-u-ni

от

tek-

“кушать” и т.д.

Основообразующие гласные вместе с корнем образуют сложную морфему, которую называют *формообразующей основой* (далее – просто *основа*).

Как правило, функции основ были строго дифференцированы. Каждая основа существовала для того, чтобы присоединять к себе аффиксы или окончания определенного типа. Однако на материале Оды зафиксированы случаи замены второй основы четвертой при присоединении к предикативу окончаний с начальным / или *n* , которые обычно требуют второй основы. Это чередование, видимо, не вносило дополнительного значения в предикатив. В языке памятника XVIII в. мы уже наблюдаем обратный процесс: основные функции четвертой основы, присущие ей в XV в., взяла на себя вторая, и в памятнике нам не встретились формы с основообразующими гласными

wo

или

wi

, за исключением случаев употребления деепричастия

-toy

, присоединяемого к основообразующему гласному

wo

, например:

nil-wo-toy

(9, 8) от

nilo-

“говорить”.

Так представляет данные традиционная корейстика. В данном исследовании мы предлагаем несколько иной формат представления. Изложим его.

Все аффиксы мы условно разделим на 2 категории:

1. одновариантные (употребляемые непосредственно после корня):

а) аффикс вежливости *-suW*-б) аффиксы времени (аспекта по Мартину): *-ke-*, *-te-*в) окончания финитных форм глагола (категории конечной сказуемости):
-ta, *-nwola*, *-kwo*, *-nonyo*, *-nonya*, *-twota*, *-ita*, *-noita*, *-noniiska*, *-twoswoita*, *-tela*, *-lela*

г) окончания нефинитных предикативных форм (деепричастий): *-kwo*, *-noni*, *-teni*, *-taka*, *-noncila*, *-kenul*, *-keniwa*, *-ketun*, *-kwosye*, *-key*

д) окончание атрибутивной формы (окончание причастия настоящего времени) *-non*

е) окончание отглагольного имени действия (масдара): *-ki*, *-ci*

2. двухвариантные:

2.1 двухвариантные аффиксы, начинающиеся на гласный среднего ряда *o/u*:

а) аффикс вежливости *-(o/u)si-*

б) окончания финитных форм глагола (категории конечной сказуемости): *-(o/u)nila*, *-(o/u)nyo*, *-(o/u)nya*, *-(o/u)niita*, *-(o/u)niiska*, *-(o/u)niiskwo*, *-(o/u)lila*, *-(o/u)lilwota*, *-(o/u)lnwota*, *-(o/u)lya*, *-(o/u)liwo*, *-(o/u)lka*, *-(o/u)lkwo*, *-(o/u)liita*, *-(o/u)liiska*, *-(o/u)liiskwo*, *-(o/u)lswonya*, *-(o/u)lilwoswoita*, *-(o/u)la*, *-(o/u)syosye*

в) окончания нефинитных предикативных форм (деепричастий): *-(o/u)mye*, *-(o/u)ni*, *-(o/u)lini*, *-(o/u)moy*, *-(o/u)mulwo*, *-(o/u)ncila*, *-(o/u)lcila*, *-(o/u)na*, *-(o/u)lyeniwa*, *-(o/u)toy*

Автор: Administrator
13.04.2008 06:12 -

(для XVIII в.)

, *-(o/u)myen*, *-(o/u)lcintoy*, *-(o/u)la*, *-(o/u)lye*/*-(o/u)lya*, *-(o/u)lak*

г) окончания атрибутивных форм (окончания причастий) *-(o/u)n*, *-(o/u)l*

д) окончания отглагольного имени действия (масдара): *-(o/u)m*

Правила употребления этих двухвариантных аффиксов следующие:

- вариант типа *-o/uni* употребляется после корней, оканчивающихся на согласный (варианты *o/u* выбираются по сингармонизму);

- вариант типа *-ni* употребляется после корней, оканчивающихся на гласный.

2.2. двухвариантные аффиксы, начинающиеся на особый согласный {H}, например, нефинитный предикативный аффикс *-{H} a/e*, *-{H} (wo/wu)toy*, аффикс прошедшего времени *-{H} as-/es-/yes-*.

Этот согласный падает после гласных и согласных, но удваивает конечный глайд корня:

1

2

1

- y=

-lo=

2

- y-y-

-ll-

Особенности групп корней:

1. по материалам Оды (XV в.)

□

1

2

3

4

5

6

7

1

-p=

-s=

-t=

-s=

-l=

-o/u=

[-l=

[-l=

[-w=

[-sk=

[-l=

[-c=

[-y=

[-o=

[-o=

2. по материалам памятника XVIII в.

[-l=

1

2

3

4

5

6

1

-p=

-t=

-s=

-j=

-q/u=

[-l=

2

-w=

[-l=

[-0=

[-y=

[-0=

[-0=

1. Для групп 1-6 таблицы 1 и 1-5 таблицы 2 правила распределения ступеней чередования следующие: перед аффиксами, начинающимися с согласного, корень имеет ступень чередования 1. Перед аффиксами, начинающимися с гласного, корень принимает ступень чередования 2.

2. Если открытый корень (на гласную) присоединяет аффикс, начинающийся с той же

гласной, что и гласный корня, они сливались с последующей утерей или неотражением на письме долготы.

3. Корни группы 7 таблицы 1 и 6 таблицы 2 принимают вторую степень чередования перед аффиксами, начинающимися на гласный среднего ряда *o/u* (кроме случаев присоединения аффикса вежливости *-(o/u)si-*).

2.2.2. Морфонология аффиксов.

На морфонологическом уровне языков памятников, по видимому, действовали следующие правила:

1. $i.TV \Rightarrow .TV$ (где *T* - любой смычный)

Это правило действует факультативно и представляет собой маргиналию для языка памятника; действие его предшествует действию следующих двух правил, не упорядоченных относительно друг друга:

2. а) $i.tV \Rightarrow i.IV$ б) $V.kV \Rightarrow V.V$

3. Следующим после действий правил вышеописанной группы действует диссимилятивное правило:

$-l=+-IV \Rightarrow -l=nV$

Большая часть описываемых грамматических показателей ранненовокорейского языка

представляют собой “вторично-синтетические” формы, происходящие из среднекорейских аналитических путем слияния их компонентов в одно целое (с утратой одного или нескольких гласных, ассимиляцией и различными сандхи).

Аффиксы и окончания являются наиболее распространенным, но не единственным способом передачи грамматического значения. Некоторые значения могут быть выражены аналитически. Таким способом в языке памятника выражаются граммы аспекта, модальности, залоговые значения.

Глава 3. Аффиксы.

1. Аффиксы вежливости.

Корейский язык различает несколько видов и степеней вежливости. Вежливость по отношению к слушающему (или категория *Ориентации*) выражается в составе форм конечной сказуемости; вежливость по отношению к субъекту действия – с помощью аффикса - *(o/u)s-i*, который сохранился и в современном языке. Особо следует отметить корни на -

l
: в ранненовокорейском, как и в среднекорейском, такие корни не теряют конечный согласный, например:

nal-o-si-

от

nal-

“летать”. В современном же языке аффикс

-(u)si

-

присоединяется к усеченной форме корня с конечным -

l

:

na-si-

от

nal-

“летать”, а не *

nal-u-si-

.

Автор: Administrator
13.04.2008 06:12 -

Второй аффикс вежливости *-zow-* в традиционных описаниях называют аффиксом уничижительности. Он указывает на то, что действие или признак принадлежит лицу (выраженному подлежащим), по понятиям того времени занимавшему относительно низкое положение в общественной иерархии.

Для языка XV в. Мартин дает одну базовую форму аффикса уничижительности *-zoW-<* - *zor-*
< *-
so po-
или
*-*oso po*
и считает, что формы с начальным *s-*
являются ассимиляциями. Холодович же констатирует два варианта аффикса уничижительности, не выделяя ни один в качестве базового: -
zow-
(после гласных) и -
sow-
(после согласных, кроме
t, c, ch
; после корней на
t, c, ch
начальный согласный аффикса
s
ассимилируется и заменяется
c: -sow->-cow-
; у корней на
h, lh
конечный согласный корня ассимилируется начальному
s
аффикса: -
ssow-
).

Аффикс *-zow-/sow-* чередуется по формуле *w-p*.

Дальнейшая история этого аффикса представляется в следующем виде:

1. Анлаут аффикса *z* превратился в нуль, что связано с общей судьбой звука *z* в корейском языке.

2. Варианты анлаута *s*, т.е. *s* и *ss* исчезли; осталось одно *s*. Инлаут сохранился.

3. Ауслат *p* изменялся по правилам, описанным для групп корней в *Гл. II, 2.2.1*.

В дальнейшем изменения затронули только инлаут: в положении перед согласным он перешел в *u*, согласно общему закону развития *o* в непервом слогe; перед гласными он исчез.

Аффикс уничижительности ныне обнаруживается в составе окончаний **-p.ni.ta** и **-sup.ni.ta**,
также в окончаниях **-wo**
и **-swo**.

В памятнике XVIII в. зафиксированы два способа употребления аффикса уничижительности: в повествовании о третьем лице (среднекорейская норма) и диалоговое употребление (современная норма) о первом лице.

В среднекорейскую эпоху эти два показателя вежливости занимали разные позиции в структуре предикатива: **-zow/-sow-** непосредственно после корня (или формообразовательной основы), **-(o/u)si-** после аспектуальных показателей. Но уже в XVIII в. мы считаем, что они занимают одну позицию – непосредственно после показателя прошедшего времени. Обращает на себя внимание, что в тексте романа XVIII в. избегается совместное употребление аффикса вежливости и временного показателя, поэтому ничто не противоречит тому, чтобы считать, что показатели одной категории занимают одну позицию в составе словоформы. В современном же языке аффиксы вежливости и уничижительности вновь занимают разные позиции в словоформе: гонорифический аффикс **-(u)si**

-
стоит непосредственно после корня предикатива, а уничижительности
-sup-/-up-
– после временных показателей, т.е. в конечном счете показатели вежливости
поменялись местами.

3. Время и таксис.

В истории изменения корейского языка ясно прослеживается диахроническая
вторичность категории времени: на материале рассматриваемых нами памятников
можно проиллюстрировать универсальную эволюцию *аспект – таксис – время* и, как
следствие этой модели, следы аспектуально-таксисной семантики в употреблении
граммем времени.

Итак, на материале Оды можно построить следующую систему аспектуально-временных
показателей:

прошедшее время (аспект по Мартину): *-ke- -{H} a-/-e- -te-*

настоящее время (процессив по Мартину): *-no-*

а) прошедшее время

Аффикс *-te-* имел значение антиперфекта (завершенное действие, приведшее к
некоторому состоянию, которое уже исчезло). К XVIII в. аффикс *-te-*
самостоятельно почти не употребляется, встречается в основном в составе причастия -
ten
, деепричастия -
teni
, а также в качестве форманта в показателе конечной сказуемости очного наклонения -
tela
. В зафиксированных примерах имеет в основном трансферентивное значение.

Аффикс *-ke-* имел значение прошедшего совершенного (аористного типа). В настоящее время аффикс *-ke-* в значении прошедшего времени является мертвым; он сохраняется в составе неразложимых окончаний - **keniw**

a, -kenmanun, -ketun

и некоторых других. Проф. Маэма отождествляет с ним

ke

в составе повелительной формы некоторых глаголов типа

ka-kela

“иди!”. Основания такого отождествления для нас, однако, не ясны.

Аффикс $\{-N\}a/e-$ имел значение прошедшего совершенного и, таким образом, был синонимичен аффиксу *-ke-*. В отличие от прочих аффиксов времени, $\{-N\}a/e-$ был гармонизирующим.

Сочетание морфемы $\{-N\}a/e + is-$ ‘существовать’, которое в раннесредневековый период еще не было единым аффиксом, в позднесредневековом языке приобретает “временные” черты и “склеивается” в последовательность $\{-N\}as-/es-$, становясь единственным аффиксом прошедшего времени, а оставшиеся окончания утрачивают свое значение.

То, что среднекорейские аффиксы *-te-* и *-ke-* к XVIII в. вышли из системы временных показателей, подтверждает и тот факт, что теперь возможно их одновременное употребление в одной словоформе с морфемой прошедшего времени $\{-N\}as-/es-/yes-$

, ставшей уже единственным показателем прошедшего времени. Таким образом, мы видим, что аналитическая форма $\{-N\}a/e + is-$

a/e + is-

‘существовать’ превращается во вторично синтетическую.

На материале XVIII в. зафиксированы две формы аффикса прошедшего времени: первая - $\{-N\}as-/es-/yes-$ и вторая – $\{-N\}asi-/esi-/yesi-$. Правила выбора первой или второй формы суффикса прошедшего времени морфонологизированы, т. е. варианты $\{-N\}asi-/esi-/yesi-$ выбираются перед

двухвариантными аффиксами (см. список аффиксов в

Гл. II, 2.2.1

). Наличие второй формы относится к числу особенностей, типичных для языка XVIII в. и чуждых современному состоянию, что можно рассматривать как сохранение следов аналитизма в образовании этой формы.

Основное значение этой формы: обозначение действия, имевшего место до момента речи, безотносительно к тому, мыслится ли это действие законченным или нет.

б) настоящее время

В XV в. в корейском языке существовала морфема *-no-*, которую Холодович рассматривает как показатель настоящего времени, а Мартин – как аспектуальный показатель процессива. Этимологически этот суффикс обнаруживается в романе XVIII в. в некоторых окончаниях, например, в таких, как

-noita, -ponyo

и др., которые в своем первоначальном виде являлись комбинациями однограммных аффиксов, принадлежащих к различным категориям (см.

Гл. IV, Финитные формы предикатива

).

Значение настоящего времени в языке XVIII в. выражено нулевой морфемой, как это принимает описательная грамматика для современного языка.

в) будущее время

Средневековый корейский язык не имел специальной морфемы для выражения значения будущего времени, как современный язык. Вплоть до XIX в. использовалась сложная модально-временная конструкция: причастие на *-(o/u)l*+служебное имя *kes* + связка

i-

в соответствующей форме сказуемости. Модальные значения

-(o/u)l kes-i-ta

подробно будут рассматриваться в

Гл. V, Модальность.

Настоящая глава посвящена таксисно-временным значениям этой конструкции,

зафиксированным в тексте XVIII в.

Естественно предположить, что модальный оттенок значения менее ожидаем при первом лице субъекта: в этом случае эта форма указывала на то, что данный субъект хочет, готов или решил осуществить действие в будущем. В том случае, когда речь идет о действии, относящемся к третьему лицу, данная конструкция указывает на то, что действие, выраженное причастием, *возможно*, произойдет после момента речи.

Показатели будущего времени могут сочетаться с граммемами прошедшего времени, выражая препозицию по отношению к моменту речи или гипотетичность действия (состояния, признака), законченность действия.

Суффикс будущего времени **-kess-**, характерный для современного корейского языка, в рассматриваемых памятниках не употребляется.

Глава 4. Окончания.

1. Финитные формы предикатива.

Финитными формами глагола ("категорией конечной сказуемости") называется совокупность форм с показателями, указывающими на то, что предикатив является основным сказуемым предложения (для корейского языка - позиционно последним в законченном предложении); это так называемые *verba finita*.

На материале памятника XV в. (Оды) нам удалось построить следующее представление форм предикативности. Порядок следования аффиксов такой:

(-no/-te-) - (-(o/u)ni/-(o/u)li) - (i(s)) -(-ta/-ka/kwo)

Самая последняя позиция словоформы выражает, по видимому, категорию коммуникативной направленности высказывания. Внутри этой категории различаются три категориальных значения: констатив (0), нарратив (-*ta*) и интеррогатив (показатели -*ka* в случае общего вопроса и -*kwo* в случае частного вопроса). Во второй от конца позиции выражается вежливость по отношению к слушающему (категория ориентации) -*i(s)*. В третьей позиции выражаются наклонения: 0 (квотатив), -*(o/u)ni* (индикатив), -*(o/u)li* (пробабилитив). Четвертая от конца позиция - аспектуальность (общий вид 0, процессив -*no-*, антиперфект -*te-*).

Формы, зафиксированные в Оде, можно представить в виде следующей таблицы:

Комм. напр.

Аспект

Наклонение/Респект.

0

-(o/u)li

-(o/u)ni

p

o

-(p/u)li

-(o/u)ni

i(s)

o

ho

o

-no.ni

i(s)

te

0

-te.ni

i(s)

0

0

-ta

-(p/u)li.la

i(s)

-(p/u)li.i.ta

-(o/u)ni.i.ta

ta

ho

o

i(s)

te

o

i(s)

p

o

i(s)

-(o/u)li.is.ka

-(o/u)l.kka)

-(o/u)ni.is.ka

ka/kwo

ho

o

i(s)

te

o

i(s)

Приведенная таблица хорошо соответствует традиционному представлению о среднекорейских формах предикативности, присоединяемых к реальному сказуемому в атрибутивной форме на *-(o/u)n/-(o/u)l* через служебное имя *i*, ср. Холодович (1986):

Повествовательные

Вопросительные

Вежливые

-ngi.ta

-ngis.ka, -ngis.kwo

Средневежливые

нулевая морфема

нулевая морфема

Нейтральные

-la

-a, -wo

Таким образом, то, что традиционно называют формами предикативности, выражает следующие грамматические категории: коммуникативная направленность, респективность, модальность и аспектуальность.

Для исследуемого нами памятника XVIII в.(таким образом, также на ограниченном языковом корпусе) выстраивается следующее представление финитных форм предикатива:

$(-(o/u)li/-no/-te-) - (-(o/u)ni-) / (-nwo/-two-) - (-(i(s)-) - ta/-la/-ka/-kwo$

В последней позиции словоформы выражается коммуникативная направленность: нарратив (-ta/-la) и интеррогатив (показатели -ka в случае общего вопроса и -kwo в случае частного вопроса). Во второй от конца позиции выражается респектив (ориентация). Перед ориентацией выражается категория аспекта (нейтральный - 0, прогрессив -

-(o/u)ni

). Перед ней - категория наклонения (нулевое - 0, процессив -

no-

, пробабилитив

-(o/u)li

, эвиденциалис

-te-

). Можно также выделить позицию, в которой выражается персональность: 0 -
нейтральная,

-*nwo*- -

первое лицо (аутоонтив)

, -*two*- -

безличность (имперсонал). Все это можно представить в виде следующей таблицы:

□ □ □

0

-(*o/u*)*ni*

ком.направ

накл.

респ/перс

0

-*nwo*-

- *two*-

0

□

□

□

□

□ *ta*

□

□

□ *ta*

□ *nwo.la*

□ *two.ta*

□ *(o/u)ni.la*

□ *i(s)-*

i.ta

(o/u)ni.i.ta

(o/u)li

(o/u)li.la

(o/u)l.nwo.la

(o/u)li.lwo.ta

i(s)-

(o/u)li.i.ta

no-

Автор: Administrator
13.04.2008 06:12 -

-no.n.ta

-i(s)-

-no.i.ta

-te

0

-te.la

-i(s)-

-ka

kwo

-(o/u)ni.a

-(o/u)n.ka)

-(o/u)ni.wo

-(o/u)n.kwo)

i(s)-

-(o/u)ni.is.ka

-(o/u)ni.is.kwo

-(o/u)li

∅

[-(p/u)li.a

[-(o/u)l.ka)

[-(p/u)li.wo

[-(o/u)l.kwo)

[-i(s)-

[-li]is.ka

[-li]is.kwo

[-no-

∅

[-no]ni.a

-no.n.ka)

-no.ni.wo

-i(s)-

- no.ni.is.ka

te

-i(s)-

Мы видим, что бывшие формы констатива теперь употребляются только в качестве показателей неконечной предикации. Это может быть обусловлено тем, что описываемые памятники принадлежат к разным жанрам, накладывающим свои ограничения на употребление форм предикативности. Если в Оде содержится большое количество абстрактных (общепринятых) высказываний (истин), в тексте романа XVIII в. описываются конкретные действия, происходящие в прошлом, поэтому “вневременные” формы предикативности здесь не употребляются в качестве показателей вершинной предикации, а являются вершинами в сопряженных предложениях; финитная же предикация передается формами на -ta (-ka). Но, возможно, что бывшие формы констатива вообще потеряли предикативность.

Выражение ориентации не изменилось.

Серьезные изменения произошли в наклонении и аспекте. Часть аспектуальных показателей приобрела модальные значения, а индикативное наклонение стало прогрессивным аспектом. Внутри грамматической категории наклонения сочетаются собственно модальные *-(o/u)li-* и акционсартовые значения (бывший аспект *-no-*, *-te-*), что, в принципе, характерно для языков алтайского типа. Понятно, что такой переход не мог произойти за один шаг. Для выяснения последовательности изменений внутри этих категорий необходимо привлекать памятники, отражающие промежуточные состояния такого перераспределения.

В памятнике 15 в. не зафиксированы формы персональности, возможно, в силу жанровых особенностей текста (ср. полное отсутствие высказываний от первого лица).

Все описанные изменения соответствуют общим тенденциям изменения корейского языка. Таким образом, финитные формы глагола, зафиксированные в романе XVIII в. при сравнении с языком Оды свидетельствуют об эволюции этой системы и ее постепенном приближении к современному состоянию. Некоторые ранненовокорейские формы закрепились в современном литературном корейском языке (например, **-ta**, **-(u)n** **ya**, **-l** **a** и др.), некоторые в настоящее время употребляются лишь в книжном языке и придают всему высказыванию оттенок архаичности (например, **-nwola**, **-(u)lilwota**, **-(u)sose** и др.).

2. Нефинитные предикативные формы (деепричастия).

Деепричастие - форма предикатива, выражающая вторичную предикацию.

Некоторые формы деепричастия используются еще как формальные деепричастия для образования аналитических форм (аналитических конструкций). Сфера употребления деепричастий качественных предикативов и особенно связки несколько уже, что оговаривается при описании соответствующих форм.

Деепричастные формы образуются присоединением окончаний к основе глагола, кроме того, окончания некоторых деепричастий могут присоединяться к основе, осложненной суффиксами времени и вежливости.

Систему деепричастий, построенную на материале двух памятников, можно представить в виде следующей таблицы:

тип деепричастия

XV в.

XVIII в.

1. Соединительное деепричастие

-kwo

-kwo

2. Сочинительное деепричастие

- (o/u)mye

- (o/u)mye

3. Деепричастие предшествования

-

{H} a/-e/-ye

-

{H} a/-e/-ye

4. Деепричастие предпосылки

- (o/u)ni

- ndni

- teni

- lini

5. Деепричастие прерванного действия

-*taka*

-*taka*

6. Деепричастие причины

-(*o*/*u*)*mo*y

-(*o*/*u*)*mulwo*

-(*o*/*u*)*ncila*

-*no*ncila

-(*o*/*u*)*lcila*

-*ke*nul

7. Противительные деепричастие

-

{H}(wo/wu)toy

-na

-keniwa

-lyeniwa

-(o/u)toy

8. Условные деепричастия

-(o/u)myen

-ketun

-(o/u)myen

-ketun

-(o/u)lcintoy

9. Уступительное деепричастие

-(o/u)ntul

-*ntul

(см.гл.)Причастие

10. Деепричастие цели

-(o/u)la

11. Деепричастие намерения

-(o/u)lye

-(o/u)lye/lya

-kwosye

12. Деепричастие многократной смены действия

-(o/u)lak

13. Деепричастие образа действия

-key

Думается, процесс формирования современной системы деепричастий в языке можно считать завершенным уже в эпоху новокорейского языка.

3. Атрибутивные формы предикатива (причастие).

Причастие - это форма предикатива, выступающая в функции определения к имени; из собственно глагольных грамматических категорий причастие в современном корейском языке выражает категорию вида/времени. Для языка XV в. это, наоборот, модальность.

В Оде имелись две причастные формы: $-(o/u)n$ и $-(o/u)l$. Окончание $-(o/u)n$ нейтрально в модальном отношении; это – изъявительная модальность. Окончание $-(o/u)l$ является знаком “нереального” наклонения (возможность, долженствование и т.д.). В Оде зафиксированы следующие сочетания аффиксов с причастным окончанием:

$-(o/u)si-n$ $-no-n$ $-ke-n$ $-{H}a/e-n$ $-te-n{H}a/e-si-n$ $-te-si-n$

Язык романа XVIII в. “Ссяньчхон кыйбонъ” знает уже три атрибутивные формы:
причастие настоящего времени на $-non$,
причастие прошедшего времени на $-(o/u)n$

, причастие будущего времени на -
(o/u)l

Особо следует отметить окончание *-ten*. Эта последовательность восходит к средневековому сочетанию причастного показателя с показателем антиперфекта. В рассматриваемую эпоху, по-видимому, эта последовательность уже не членилась, а функционировала как неразложимое окончание. В современном языке имеет прямое соответствие - окончание второго причастия прошедшего времени

-ten

. Оно относит наличие действия к прошлому и одновременно указывает на сме

Заключение.

В заключении дается обзор грамматических категорий, выраженных в глагольной словоформе XV в. и XVIII в. Следует отметить, что синхронно аналитические конструкции, которые входят в грамматическую систему, мы считаем аналитической словоформой и рассматриваем в общей системе форм предикатива.

Также в заключении указываются важнейшие признаки грамматических форм предикатива языка памятника XVIII в., описанные в сравнении с формами, зафиксированными на материале Оды – литературного памятника XV в., и современного состояния. Проведенное исследование позволяет с уверенностью сказать, что язык этого периода уже значительно отличается от языка первых письменных памятников и сближается с современным корейским языком.

Наши наблюдения не являются исчерпывающими, скорее, наоборот, это весьма скромные попытки представить подобные явления как таковые, чтобы заинтересовать исследователей и продолжить работу по сбору и описанию этих, на наш взгляд, интересных явлений.

Настоящая работа освещает только один из возможных аспектов рассмотрения языка отдельного памятника. Мы надеемся, что данная работа поможет осветить определенный этап развития корейского языка.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Verb morphology of 18th century Korean (Description of the language of the 18th century manuscript *sangch'en Kuybwong*) (Conference Paper) // Proceedings of the 21st Conference of the Association for Korean Studies in Europe, Rome, 2003. Pp 302-308. P
2. Грамматика предикатива в корейском языке XVIII в. // Современные корееведческие исследования в Дальневосточном государственном университете. Вып.2 / Отв.ред. И.А.Толстокулаков. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2003. С. 98-110.
3. Грамматика предикатива в корейском языке XVIII в.(на материале памятника *Ссяньчх он кыйбонъ*) // Российское корееведение.Альманах. Вып 3. – М.: Муравей, 2003. С. 271-285.
4. Категория конечной сказуемости в ранненовокорейском языке: от среднекорейского к новокорейскому. // Современные корееведческие исследования в Дальневосточном государственном университете. Вып.4 / Отв.ред. И.А.Толстокулаков. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2004. С. 80-90.
5. Middle Korean final predication system and its change // Proceedings of the 22st Conference of the Association for Korean Studies in Europe, Sheffield, 2005. Pp 344-351.